

11. *Запрещение работы по совместительству*. В целях охраны здоровья ребенка не допускается работа по совместительству лиц в возрасте до 18 лет (ст. 282 ТК РФ).

Закрепление данных прав в трудовом законодательстве является важной социальной гарантией их соблюдения, защиты и охраны труда и здоровья несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/f6eddfc736911bca0829e39847962ed78986e550/.

2. Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет : Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 163 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/181762/>.

3. Об утверждении Норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную : Постановление Минтруда России от 07 апреля 1999 г. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/180624/>.

О. Л. Сытых, Л. К. Синцова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ

К числу множества парадоксов, характерных для XX в., можно отнести бурный расцвет антисциентизма.

Человек, осваивающий космос и управляющий атомной энергией, проникший в глубины земных недр и поставивший себе на службу многие природные силы, усомнился в значимости своего познания и начал последовательно критиковать и науку, и основанную на ней техногенную цивилизацию, в которой он живет. Если недавно ценили науку за тот жизненный комфорт, который она дает, и верили в то, что благодаря ее развитию любые мечты могут осуществиться, то сегодня с наукой стали связывать уже имеющиеся и будущие «трагедии человечества». Странники антисциентизма возложили ответственность на науку (и ученых) и за жертвы атомных бомбардировок во Второй мировой войне, и за катастрофу в Чернобыле, и за возник-

новение СПИДа. Многим грезятся (и справедливо) будущие экологические катастрофы. И все это тоже рассматривается как результат «успехов» человека в научной деятельности. Думается, что этот ряд трагичных событий (несомненно, помимо других причин) и привел к кризису сциентизма, к поискам иных методов постижения действительности, альтернативных научному, к повороту от науки к мистике и религии. И как закономерный аккорд всех этих процессов выглядит работа американского ученого Джона Хоргана с символическим названием «Конец науки: взгляд на ограниченность знания на закате века науки». Автор утверждает: «Если ты веришь в науку, то ты должен признать возможность — даже вероятность — того, что эпоха великих научных открытий закончилась» [1, с. 13].

Этот процесс в духовной сфере общества идет параллельно с утверждением у значительной части современной молодежи новых специфических форм жизнедеятельности (образа жизни), в которых, по сути дела, растворяется цельное «Я» человека. Целеустремленность, последовательность достижения цели уходят в прошлое вместе с эпохой модерна. Человек постмодерна растворяет себя и во множестве играемых им ролей, в сиюминутных удовольствиях, и он уже не грезит «будущей счастливой жизнью», он живет здесь и сейчас, зная, что он имеет право жить так, как ему хочется, не задумываясь о прожитом дне и не чувствуя ответственность ни за чье (в том числе и свое) будущее. Законы развитых стран едва поспевают за новыми реалиями, утверждающимися в социальной жизни и в общественном сознании. И вот уже на правовом уровне идет обсуждение, а вслед за обсуждением и принятием в ряде стран законов о свободной продаже наркотиков, о «праве человека на смерть» (эвтаназии), о правах сексуальных меньшинств. Хотя все это сегодня одето в красивую оболочку гуманных суждений «заботы о здоровье человека» и «об избавлении человека от страданий», надо признать, что «одежды» эти скорее обнажают, чем прикрывают новые процессы социальной жизни. Новизна же их заключается в утверждении многообразия способов человеческого бытия.

Трудно с определенностью сказать, новый образ жизни породил новые духовные явления или наоборот, одно несомненно — процессы эти взаимосвязаны, и новые реалии социальной жизни в определенной степени адекватны реалиям духовного состояния общества.

Падение авторитета науки, которое мы наблюдаем в последние десятилетия и которое является важной частью изменений в духовной жизни социума, — довольно сложный процесс, требующий специального рассмотрения. Нам представляется, что часто на науку

в целом распространяют проблемы одного специфического подхода — подхода классического естествознания и при этом, именно исходя из возникших здесь проблем, заявляют о глубоком кризисе и науки, и современной гносеологии.

Несомненно, что методы классического естествознания, которые еще вчера носили всеобщий характер, сегодня ограничены в своем применении, а образы предметов и явлений, которые давала нам классическая физика, все чаще перестают рассматриваться в качестве познавательных идеалов, к которым должны стремиться ученые. В современной науке говорят и пишут о субъективных аспектах знания, о возможности и равнозначности ряда интерпретаций одного и того же явления, о создании множества моделей одного предмета. Все это разрушает классические представления о полной объективности знания, исходящей из жесткого противопоставления субъекта и объекта, об истинности только одного представления исследуемого предмета, о необходимости использования метода научного объяснения для познания предмета или явления. Таковы некоторые реалии изменений в современной науке. Однако они касаются в первую очередь методологии классического естествознания и тех идеальных образов — результатов познания, которые оно утверждало.

Параллельно с этой методологией уже на протяжении нескольких веков существует и развивается методология социально-гуманитарного познания. Она дает нам иные критерии для принятия и использования знания. Критерий объективности знания в традиционном понимании (объективность как независимость от субъекта) здесь отсутствует. Допускается равнозначность (в плане правильности) различных интерпретаций одного и того же образа, одного и того же события. Между многообразием точек зрения, выраженных в гуманитарном знании, с необходимостью предполагается диалог «и провозглашается, что истина здесь просматривается в бесконечном процессе развития диалога». Методология гуманитарного познания в последние десятилетия вышла за традиционные сферы своего применения. И сегодня к ней все чаще обращается ряд ученых, работающих в области естественных наук, ибо она позволяет лучше понять сложное бытие попавшего в поле исследователей микро- и мегамиров, чем традиционная методология классического естествознания.

Думаю, можно предположить, что эти два процесса: появление новых реалий в общественной жизни и утверждение новых подходов в научных исследованиях, связанных с ориентацией ученых на гуманитарное познание, имеют глубокую и сегодня еще до конца не осмысленную связь. Понять ее можно, обратившись к процес-

су формирования социально-гуманитарного знания и методологии его познания.

Еще в античности человек пытался осмыслить себя и мир, в котором он живет. Однако, как справедливо заметил М. Фуко, осмысление собственно социального мира и самого человека длительное время шло по схеме «вещь в мире вещей» [2, с. 365–366]. Это означало, как мы изучаем природу, так мы должны постичь и социум, и как мы можем и должны изменить мир природы, так мы способны изменить социальный мир. Большинство (если не сказать — все) выдающихся философов от античности до современности отмечали несовершенство общественного устройства. Еще Платон считал, что существующее античное (греческое) государство несовершенно. А совершенное общество должно быть разделено на три основные сословия: философов, воинов (стражников) и земледельцев и ремесленников, в зависимости от того, какая часть души (мудрая, яростная или вожделеющая) у человека преобладает. После этой первой утопии Платона было создано немало проектов идеального общества.

Представление о «Граде Божьем» средневекового философа Аврелия Августина и мечты о «городе Солнца» Т. Кампанеллы продолжают поиски социальных идеалов. Каждый из мыслителей рисовал будущее общество, отталкиваясь от его «настоящего» осмысления. Платон считал, что общество, в котором он жил, несовершенно, потому что существующие в нем сословия образованы независимо от преобладания у человека определенной части души. Представления же Платона о душе вывелись им из его общефилософской концепции. Несовершенство земного мира Августин объяснял тем, что люди живут не «по Богу», как это было определено Библией. Для Т. Кампанеллы идеал будущего общества связан с упразднением собственности и семьи и с общностью имущества. Итальянское общество XVI в. не устраивало его тем, что не все трудились и в нем существовало «жестокое» неравенство.

Таким образом, как и в естествознании, в изучении социальной жизни мыслители исходили из наблюдения за своим объектом (обществом), из попыток расчленения его на составляющие части и изучения каждого отдельного фрагмента реальности и при этом руководствовались определенными мировоззренческими (общетеоретическими) представлениями.

Особое место в изучении социальной жизни и прежде всего общества в его истории принадлежит эпохе Просвещения. В это время исследователи стали размышлять о возможностях истинного познания общества. И задумались они над этим, оглядываясь на свою историю и устремляя свой взор в будущее.

Обращение к социальному знанию и прежде всего — к историческому было связано с формированием в этот период исторического сознания.

Для большинства представителей Просвещения история исключалась из состава объективного достоверного знания и рассматривалась как наука, далекая от теоретических систем (теории в это время мыслились по образу математических теорий), как наука описательная, эмпирическая, которая может достичь лишь вероятного знания.

Каковы возможности исторического познания и как в изучении истории избежать ошибок и приблизиться к достоверности, как отойти от вероятного характера исторического знания — это те вопросы, которые интересовали просветителей.

Д. Аламбер (1717–1783), известный французский математик и механик (один из издателей «*Энциклопедии*»), проанализировав отличие знаний друг от друга «по различию операций ума и по способам их применения», раскрывает логико-гносеологические характеристики знания, различающиеся по очевидности, достоверности, вероятности. Очевидность характеризует математические построения, достоверность — физические науки, вероятность — исторические науки, которые не могут познать причины событий и связывают исторические факты со случайностью [см. об этом: 3, с. 51].

У «просветителей» четко просматривается ориентация на математику. Именно опираясь на математику, они хотели осуществить в будущем перестройку всех отраслей знания, в том числе социальных наук, создать социальную науку, очищенную от ложных оснований, строго доказательную и не содержащую гипотетических допущений.

Яркий мыслитель эпохи Просвещения Вольтер заметил, что социальное знание основывается на иных принципах, чем естествознание. В естествознание включается возможность предсказания, что способствует овладению предметом. Но в социальном знании этого достигнуть нельзя. Оно, как считает Вольтер, все основано на идее вероятного знания, гораздо менее достоверного, чем математика и физика [4, с. 328–329].

Именно в период Просвещения целый ряд философов обращает внимание на субъективность знания, прежде всего знания социально-исторического. Так, Д. Дидро пишет о зависимости знания от интересов людей, а Гольбах высказывается еще категоричнее: «Люди сомневались бы в достоверности евклидовых „Начал“, если бы этого требовали их интересы» [5, с. 285].

Таким образом, можно отметить, что в период Просвещения происходит осмысление возможностей социального познания. В итоге

мыслители этой эпохи приходят к выводу о меньшей достоверности (а точнее — вероятности) социального знания по сравнению с естественнонаучным. Они объясняют столь несовершенный характер этого познания сложностью его предмета и зависимостью его результатов от субъективных сторон личностей, исследующих общество. Но просветители надеются со временем перестроить социальное познание таким образом, чтобы приблизить его результаты к достоверности. Надежды свои они возлагают при этом на применение естественнонаучных методов. Образцом идеального знания для них являются прежде всего математические теории. Заметим, что в век Просвещения уже начинается переориентация ученых на ньютоновскую механику, которую длительное время будут рассматривать в качестве нового идеала построения знания в науке.

В ее основе лежат представления о наличии в мире причинно-следственных связей, о строгой детерминации всего, что происходит; отсюда уверенность в существовании одной-единственной истины в каждом конкретном случае и в возможности ее познания. При этом истина должна быть объективной, независимой по своему содержанию от субъекта. В таком строго детерминированном и открытом для познания мире можно жить в соответствии с познанными законами, планировать свою жизнь и жизнь общества на ближайшие годы и десятилетия. Именно такой образ жизни и был характерен для значительной части населения эпохи модерна, эпохи, дававшей уверенность в завтрашнем дне.

Но параллельно с исследованиями гуманитариев, ориентирующихся на естественные науки в качестве своего образца, развивается методология собственно социально-гуманитарного познания, представители которой изначально утверждают, что они имеют дело со специфической областью действительности, которая должна исследоваться собственными методами, отличными от методов естествознания.

Одним из первых с критикой утвердившегося идеала научности выступил в конце XVIII — начале XIX в. Шлейермахер. Занятия интерпретацией теологических текстов подвели его к выводу, что необходимо в познании перейти от выделения общих законов к описанию единичного, индивидуального. Особенность гуманитарных наук он видит в том, что гуманитариям приходится иметь дело с текстами, и здесь важны способность ученого переходить от своих собственных мыслей к мыслям изучаемого «писателя», способность к пониманию.

Дальнейшее развитие представления о сущности гуманитарного знания получили в трудах В. Дильтея, М. Вебера, в нашей отечественной науке — в работах М. Бахтина.

Отметим наиболее значимые для нашей проблемы особенности гуманитарного познания, которые сегодня принимаются практически всеми исследователями:

1. Гуманитарные науки — науки о духе, связанные с внутренним жизненным опытом человека, имеют дело с «нерасчлененными» душевными явлениями, в отличие от естественных наук, связанных с внешним, чувственным опытом, обуславливающих восприятие не связанных между собой предметов. Отсюда различие в задачах и методах. Для естествознания главное — соединить в мышлении (при помощи гипотез) разрозненные явления и объяснить их. Для гуманитарного познания задача противоположная — расчленить данные в единстве душевной жизни, чтобы понять. Для этого объяснение не подходит, а используется метод описания (Дильтей).

2. Гуманитарное познание — это познание переживаний, душевной жизни. Познание переживаний меняет само это переживание. Из этого вытекает проблематичность гуманитарного познания. От субъективных моментов здесь, в отличие от естествознания, нельзя абстрагироваться. Существует тесная зависимость гуманитарного познания от установок познающего субъекта (Дильтей).

3. В гуманитарном познании существует тесная связь исследуемого объекта и установок и ценностей субъекта-исследователя. От последних зависит, что будет избрано для исследования (какой аспект культурной жизни и социальных явлений), как объект исследования будет подвергнут анализу и расчленен. Гуманитарное познание не просто изучает культурную жизнь, но вносит в нее смысл, ценности (Вебер).

4. Используемые в гуманитарном познании, так же как и в естествознании, идеальные объекты выполняют своеобразную функцию. Они служат средством, конструктом, позволяющим исследователю ориентироваться в эмпирическом материале, организовывать его в соответствии с выбранной точкой зрения (ценностью), в отличие от естествознания, где идеальные объекты — это изображения изучаемой действительности (Вебер).

5. Для гуманитарных наук характерна диалогичность мышления. Если в точных науках субъекту противостоит безгласная вещь, то в гуманитарных науках объект познания активен, так как он принадлежит к той же действительности, что и субъект. Гуманитарное познание — активный процесс диалогического мышления (Бахтин).

6. Одно и то же явление социальной жизни, один и тот же художественный образ могут иметь несколько равнозначных вариантов своей интерпретации. Эти интерпретации будут зависеть от ценностно-мира личности, от принятых социальными группами ценностей.

Эти особенности гуманитарного познания и прежде всего его диалогичность, возможность ряда равнозначных интерпретаций одного и того же явления предполагают специфический способ отношения к мнению «другого», специфический по сравнению с функционированием мнений в сфере классической науки. Для классического естествознания наличие ряда мнений по одной проблеме — это этап промежуточный в развитии знания, этап, который должен быть пройден как можно быстрее. Прохождение этого этапа связано с конкуренцией гипотез в науке, отражаемой в борьбе мнений. Иное, «не похожее на мое суждение по данной научной проблеме», должно быть преодолено путем аргументированной критики.

«Гуманитарий» же признает изначально, что мое мнение не является единственно верным, что на то или иное явление можно смотреть с различных сторон, отталкиваясь от разного рода систем ценностей, и отсюда — признание равнозначности ряда его интерпретаций.

Логика гуманитарного познания подводит нас напрямую от утверждения равноправности интерпретаций и равноценности мнений через признание возможности и правомерности различных систем ценностей к утверждению права человека на собственный (желаемый) способ бытия жизни (как и бытия смерти.)

Все, что хорошо для личности, не должно иметь ограничений. Но не приведет ли это к вседозволенности? Видимо, единственным «ограничителем» блага личности должна быть опасность общественному благу. З. Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии» писал о роли христианства в качестве нравственного регулятора поведения человека и считал, что в свое время принятие христианства явилось в определенном смысле благом, позволившим сохраниться человеческому роду, и в то же время оно, слишком жестко упорядочив жизнь человека, породило тем самым множество новых проблем [6, с. 103–104]. Он мечтал о том времени, когда «жесткие» рамки религии ослабнут и человек почувствует себя счастливее.

Сегодня это происходит, но движется к этому человечество разными путями, и один из них — движение от специфического духовного способа освоения мира, способа, сформировавшегося в сфере социально-гуманитарного познания, к утверждению гуманного общества.

Однако последнее (представление о гуманном обществе) связывают прежде всего с новыми свободами личности. При этом логи-

ка рассуждений, идущая от утверждения свобод личности, ведет нас далее к отрицанию какой-либо одной модели совершенного общества, в том числе и к отрицанию «открытого общества» К. Поппера в качестве такого идеала. Вот только этот логичный шаг сегодня сделать не могут, боясь реставрации коммунистического общества. Однако история не знает движения вспять, как не может ни один человек, выбравший для себя тот или иной способ бытия, прожить свою жизнь заново.

В современной российской социально-философской литературе все чаще высказывают мысль о несовершенстве существующей методологии социально-гуманитарного познания. В одних случаях, как, например, это делает Т. М. Дридзе, ведут речь о создании новых социальных парадигм [7], а в других случаях, как утверждает Б. В. Марков, «... сама проблема соотношения естественнонаучной и гуманитарной методологии поставлена неправильно, и речь сегодня должна вестись не о различии предметно-сущностных сторон реальности, а о различии „языковых игр“» [8, с. 35], что, по сути дела, приведет к изменению методологии познания. Обе эти заявки, как и все новое, сегодня проблематичны. Но бесспорно одно, что пока человечество осознает свое несовершенство, в том числе и в способах познания мира, оно движется вперед к освоению новых способов бытия и утверждению правомерности новых реалий социальной жизни.

Библиографический список

1. Хорган Дж. Конец науки: взгляд на ограниченность знания на закате века науки. СПб., 2001.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1984.
3. Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993.
4. Вольтер. Философские сочинения. М., 1988.
5. Гольбах П. А. Система природы. М., 1940.
6. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989.
7. Дридзе Т. М. Экоантропоцентристская парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. 1998. № 2.
8. Марков Б. В. Философия между духовной культурой и научно-технической цивилизацией // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия : сб. статей. СПб, 1997.